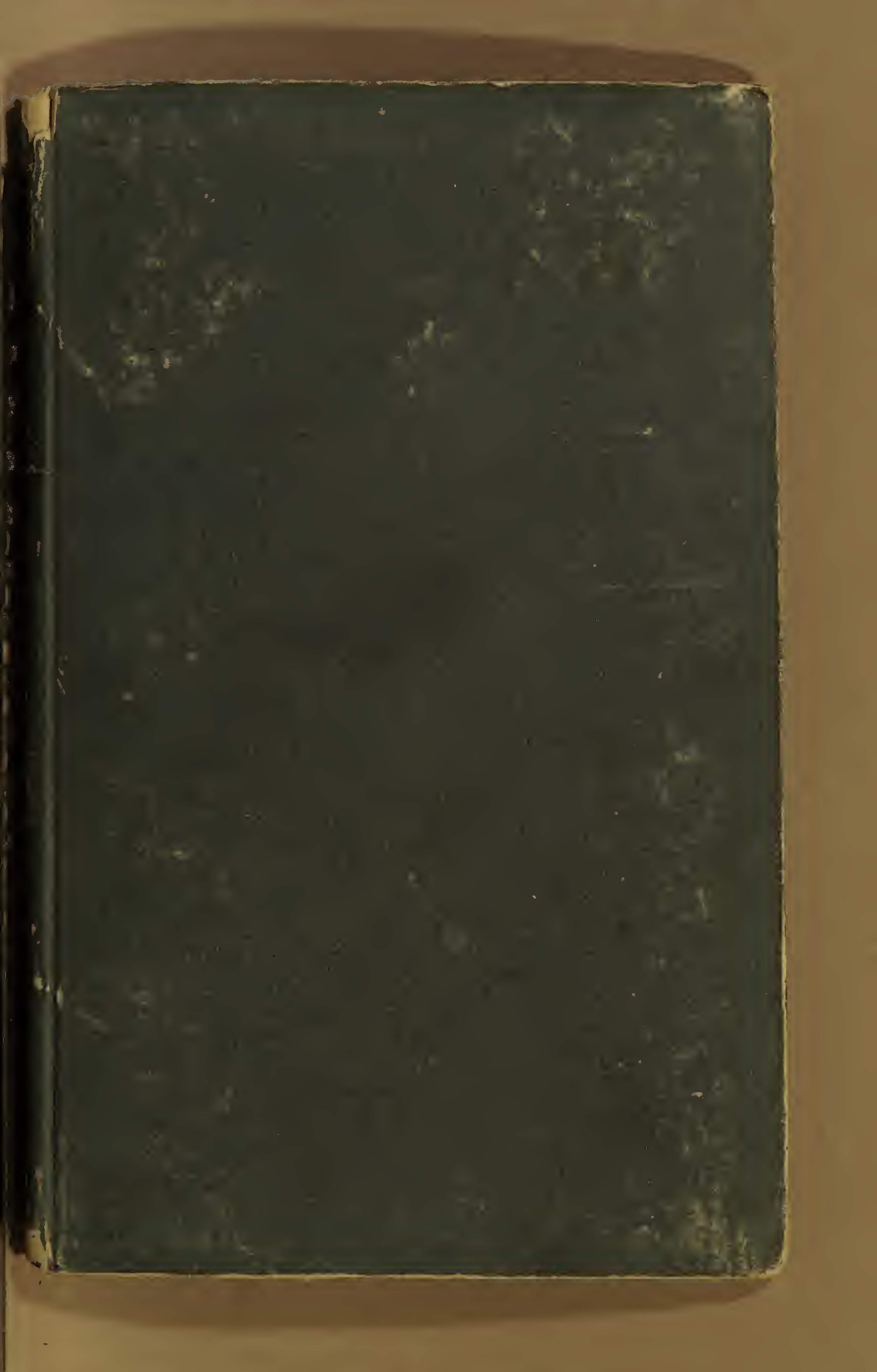
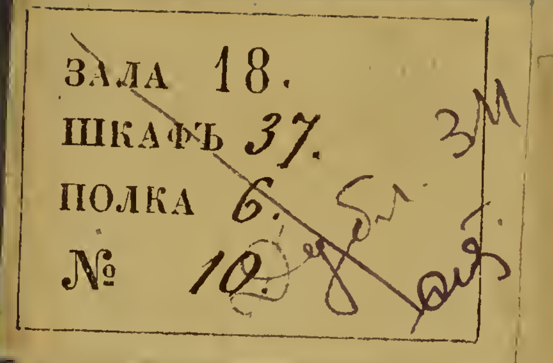

ЗАЛА 18.
ШКАФЪ 37.
ПОЛКА 6.
№ 10.

294

НЕЩАСТНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ВАСИЛЬЯ БАРАНЩИКОВА

МѢЩАНИНА

Нижняго Новагорода

въ трехъ частяхъ свѣта:

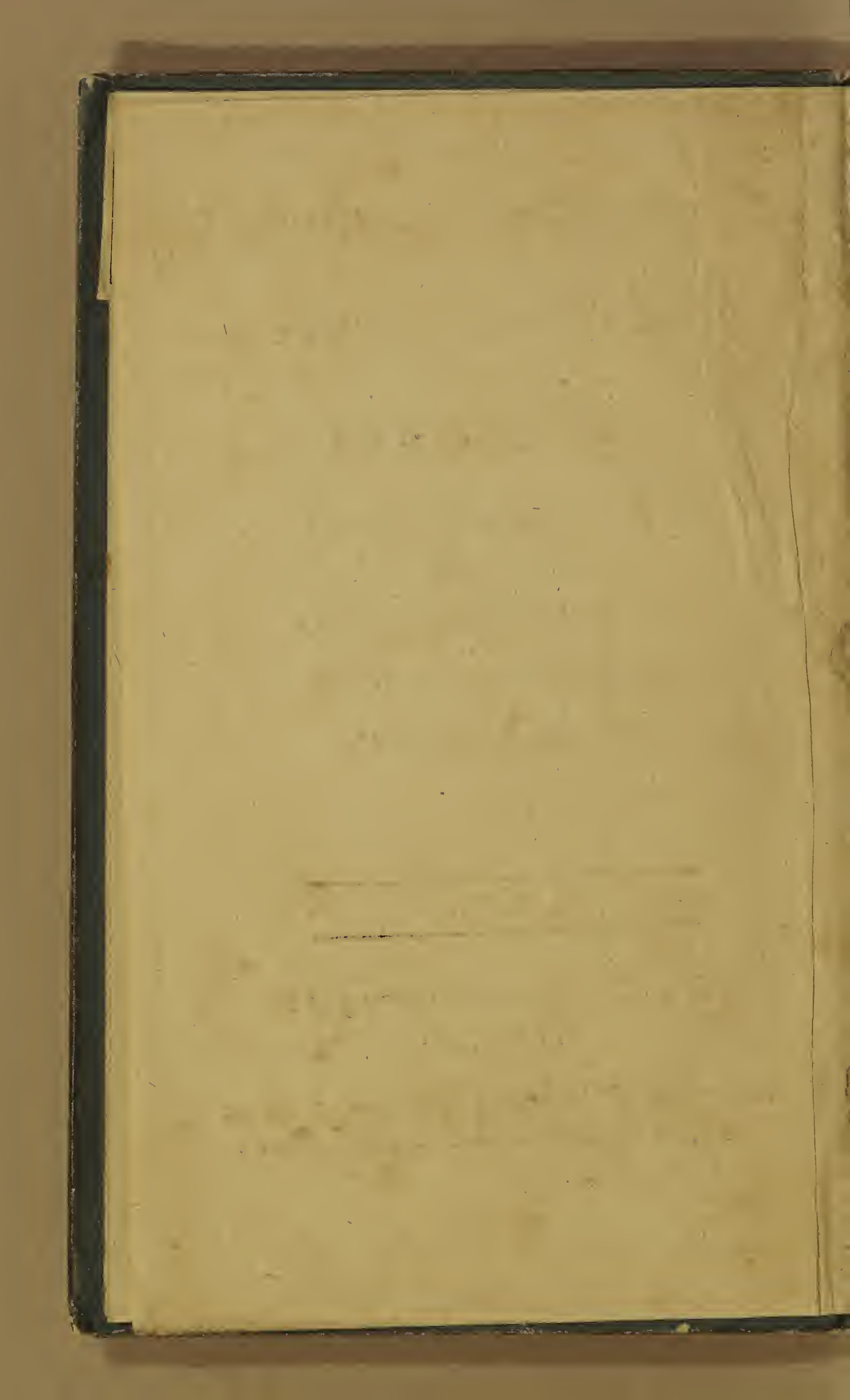
Въ Америкѣ, Азіи и Европѣ

съ 1780 по 1787 годъ.

С. К. Р.

Въ Санктпетербургѣ
1787 года.

Печатано съ дозволенія указнаго въ типографіи г. Вильковскаго и Галченкова.

1780 Года въ Генварѣ мѣсяцѣ взялъ Василей Баранщиковъ отъ Городоваго Магистрата на годъ пашпортъ и поѣхалъ въ Ростовъ съ кожевеннымъ своимъ товаромъ на ярмонку бывающую тамъ великаго поста на второй недѣли, или въ такъ называемое первое зборное воскресенье, гдѣ она продолжается болѣе двухъ недѣль. Тамъ продалъ онъ свой товаръ за 175 рублей и получилъ деньги, въ коихъ состояло все его имѣнїе; но мошенники украли сїи деньги и онъ печалясь о покражѣ, продалъ въ Ростовѣ двухъ своихъ лошадей за 40 рублей и нанялъ въ Санктпетербургъ попутнаго извощика за 15 руб. въ намѣренїи поправить свое состоянїе, вступя къ кому нибудь во услуженїе. Въ Санктпетербургъ прiѣхалъ Марта въ по-

слѣднихъ числахъ 1780 года; въ скоромъ времени нашелъ для себя службу и нанялся у Его Превосходительства Михайла Савича Бороздина и г. Коллежскаго Совѣтника Василья Петровича Головцына съ компанїею ѣхать на собственномъ ихъ кораблѣ съ мачтовымъ лѣсомъ къ Французскимъ берегамъ города Бурдо и Гавръ де Грасъ матрозомъ съ заплатою кромѣ пищи на каждой мѣсяцъ по десяти рублей. Приготовляясь къ отплытїю на кораблѣ всѣ нанятые матрозы работали такелажъ, то есть: вили веревки, вязали блоки, шили паруса и прочее болѣе двухъ мѣсяцовъ. — Построенной въ Санктпетербургѣ въ предмѣстїи называемомъ Охтою неоснащенной корабль должны были нанятые матрозы по уговору съ хозяевами провесть въ Кронштатъ, гдѣ оной оснастивъ нагрузили мачтовыми деревьями подъ присмотромъ шкипора иноземца. Изъ Кронштата въ половинѣ Сентября 1780 года отправились Балтїискимъ моремъ, а за противными и бурными

вѣтрами приплыли въ Зундъ владѣнія Короля Датскаго къ столичному городу Копенгагену уже въ исходѣ Ноября мѣсяца, гдѣ остановясь, надлежало Капитану для осмидесяти человѣкъ матрозовъ на его кораблѣ запастись водою и съѣстными припасами, сушить сухари и прочее.

Декабря 12 дня 1780 года съ корабля отпущенъ былъ Баранщиковъ съ другими матрозами въ городъ Копенгагенъ для покупки себѣ надобнаго; идучи изъ города одинъ на свой корабль, зашелъ въ питейной домъ подъ вечеръ, какъ свойственно рускому человѣку, выпить пива, гдѣ увидѣлъ двухъ человѣкъ Датчанъ, кои ему привѣтствовали и ласкали говоря съ нимъ своимъ языкомъ; но онъ неразумѣлъ и отвѣчалъ имъ одними знаками, что пора ему итти на свой корабль. Тѣ двое Датчанъ увидѣли, что онъ Россіянинъ и съ чрезвычайною ласкою просили его пить водку и пиво и онъ пилъ у нихъ. Прошло неболѣе получаса, какъ явился въ томъ питей-

ной домъ нарядный плутъ, который увидѣвъ его Баранщикова сталъ говорить весьма чисто по руски, и первое его было слово: *здравствуй братъ! здороволь ты живешъ? откуда и куда вы плывете*; по томъ сталь просить питьемъ, и всѣ четверо пили; прошло уже часа два ночи и тогда въ питейномъ домѣ никого кромѣ ихъ неосталось. Послѣ того произносилъ онъ о тѣхъ двухъ Датчанахъ разныя похвалы, что они люди богатые и онъ у нихъ болѣе десяти разъ бывалъ на кораблѣ въ гостяхъ, а нынѣшней день хотѣхъ ихъ просить къ себѣ въ гости, но незасталъ и нечаянно пришолъ сюда въ питейной домъ и здѣсь ихъ нашелъ; по томъ совѣтовалъ ему съ ними познакомиться и быть дружну для того, что будто они рускихъ очень любятъ. — Баранщиковъ по такому откровенному случаю спросилъ его: откуда ты братъ и какъ твое имя? На оное сказалъ сей обманщикъ: я руской изъ Риги и сюда приѣхалъ на галїотѣ Рижскаго купца Венедикта

Ивановича Хватова. Переговоря же съ товарищами по Датски сталъ его Баранщикова звать на ихъ корабль, также и тѣ двое Датчанъ усильно знаками просили и ласкались, а онъ подтверждалъ своими вымыслами, что можно ему возвратиться ночевавъ у нихъ наораблѣ, завтре по утру весьма рано. Отговаривался Баранщиковъ разными недосугами, что надобно сухари сушить и что за отлучку будетъ наказанъ, но сей нарядный плутъ уласкалъ его, и онъ согласился пойти съ нимъ вмѣстѣ на ихъ корабль. И такъ всѣ четверо изъ питейнаго дома пошли и часа въ три ночи пришедши къ пристани переѣхали на шлюбкѣ и взошли на корабль, гдѣ тотчасъ свели его Баранщикова въ интрюмъ и приковали за ногу къ стѣнѣ корабля. Неожидаемой такой поступокъ открылъ ему глаза, что онъ слѣпо повѣрилъ словамъ онаго обманщика и сколько ни старался избавиться, какъ разными угрозами такъ и ласковымъ прошенїемъ у Датчанъ, чтобъ они его отпустили, но

Датчане неуважали ничего притворяясь, будто неразумѣютъ, а велѣли ему перестать кричать, и что онъ за то весьма больно битъ будетъ. Между тѣмъ увидѣлъ на другой сторонѣ корабля еще шесть человѣкъ прикованныхъ: одного Шведа и пятерыхъ Нѣмцовъ изъ Данцига, о коихъ узналъ послѣ, когда уже плыли въ Америку и употреблены Нѣмцы и Шведъ обще съ нимъ въ матрозскую должность на Датскомъ кораблѣ. На другой день послѣ полудни въ горестномъ отчаянiи будучи и сидя прикованъ въ низу корабля Баранщиковъ, увидѣлъ пришедшаго къ нему обманщика, который сталъ говорить: вотъ братъ попался въ гости; выговоренныя такiя слова огорченному печалiю подали случай проливать горькiя слезы. Сей нарядный плутъ увидѣвъ его въ такомъ состоянiи сталъ улещать: небойся, тебя везутъ въ Америку и будетъ житье доброе, весьма много тамъ алмазовъ и яхонтовъ и не опасайся ничего; я и самъ лѣтъ пятнадцать странствовалъ и такъ же

какъ и ты отвезенъ былъ; но нынѣ слава Богу, вмѣстѣ съ двумя хозяевами Датчанами Карломъ Сритценомъ и другимъ Германомъ товарищъ; ты видишъ, что на караблѣ нашемъ нагружено желѣзо, пенька, ленъ и прочее; теперь я тебѣ откроюсь, мое имя Матисъ или Матвѣй, и я родомъ полякъ: тебѣ больше ничего небудетъ какъ только снявшись съ якоря проплывутъ брантъ-вахты здѣшняго Датскаго владѣнія называемыя: Гелсинъ-Нордъ и Гелсинъ-Боръ, тогда тебя и роскуютъ; онѣ отсюда недалѣе тридцати верстъ, что по его словамъ такъ и сбылось. Уговоря его напоили Француского водкою и пуншемъ и дали ѣсть кашицы. — Четыре дни, какъ взятъ онъ былъ Баранщиковъ на корабль обманомъ, простоявши, снялись съ якоря, проплыли Бранты-вахты и тогда всѣхъ ихъ семерыхъ, одного Шведа, пятерыхъ Нѣмцовъ и его седьмаго расковали и одѣли въ свое матрозское платье, заставивъ отправлять должность матрозовъ. — На Брант-вахтахъ никакого осмотра

въ кораблѣ за подарки отъ нихъ небыло, а только подъѣхала шлюбка, въ которую когда сбросили хозяева нѣсколько серебреныхъ денегъ, то она и возвратилась. На Датскомъ кораблѣ изъ Копенгагена плыли они Сѣвернымъ Океаномъ болѣе пяти мѣсяцовъ незаходя никуда и невидѣвъ съ корабля своего земли и никакихъ острововъ; ибо только единожды въ ясную погоду на лѣвой сторонѣ замѣтили стоящія въ Аглинскомъ каналѣ на якоряхъ корабли весьма въ дальномъ разстояніи, и въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1781 года приплыли въ Америку къ острову Санкто-Томасъ. Тутъ высадили ихъ на берегъ и поверстали его Баранщикова въ салдаты. Сей островъ владѣнія Датского: тамъ обучали его ружьемъ мѣсяцовъ около двухъ и производили жалованья въ сутки по 12 штиверовъ датской серебреной монеты перемѣшанной съ мѣдью, а каждой штиверъ на Россійскія деньги стоитъ 2 копейки, то есть въ сутки 24 копейки; по жаркости климата тамошняго нельзя носить

другаго платья кромѣ паруснаго и всѣ Датскіе солдаты на островѣ Санкто-Томасѣ или святаго Ѳомы одѣты въ парусной мундирѣ. Тамѣ будучи приведены кѣ присягѣ вѣ церьквѣ при Комендантѣ пасторомѣ или священникомѣ всѣ семь человѣкѣ, то есть: одинѣ Шведѣ и пятеро Нѣмцовѣ, а онѣ седмой, цѣловали вѣ киркѣ или церьквѣ ихѣ вмѣсто Евангелія Королевской корабельной флагѣ нынѣшняго владѣющаго Его Величества Короля Христіана VII. съ изображеніемѣ креста Господня; держали же самой тотѣ флагѣ всѣ семеро за концѣ, а пасторѣ читалѣ молитвы, по окончаніи коихѣ кѣ тому кресту приложились; по томѣ отдали вѣ команду офицеру и спросили его, какѣ имя: онѣ сказывалѣ, что зовутѣ его васильемѣ; но немогли начальники сего слова понять, и нарекли ему имя Мишель Николаевѣ, такѣ онѣ Баранщиковѣ при перекличкѣ по списку съ прочими солдатами и отзывался вѣ строю или ученьѣ, когда его Баранщикова съ

тѣми товарищами обучали ружьемъ. Сверхъ жалованья производили печенаго хлѣба по одному фунту или литрѣ самаго плохаго по ихъ названію Шкофта: оной весьма хуже нашего Россійскаго хлѣба да и черенъ, ибо состоитъ изъ произрастѣнія Банана, называемаго Датчанами платна Банана, и варили кофій всякое утро по нгрочитой чашкѣ съ сахарнымъ пѣскомъ; банана очень сытна, оную можно ѣсть кромѣ сырой соленую, вареную, печеную, и жареную, и сіе произрастѣніе подобно нѣсколько видомъ нашему еловому дереву, а вкусомъ какъ огурецъ, и етотъ плодъ бываетъ длиною въ поларщина, толщиною не болѣе нашего большаго огурца, кожа на немъ зеленая, дерево высокое ровное какъ наша ель, листья аршина въ три и такъ легки какъ трава, однимъ листомъ можно послать и одѣться; деревоже такъ хрупкое, что можно большимъ ножемъ, или солдатскимъ тесакомъ перерубить не болѣе какъ въ разу по мягкости его: чрезъ одинъ

годъ опять оно выростаетъ и приноситъ плоды.

Въ Санкто-Томасѣ ростутъ еще плоды называемые кокосовые орѣхи, кои извѣстны уже и въ Сантпетербургѣ, да и всѣмъ почти Россіянамъ: на каждой день производили всѣмъ салдатамъ по одному орѣху, они весьма вкусны, дерево ихъ высокое, и очень крѣпко, высотою какъ наша большая сосна и ростетъ на поляхъ; жители острова Санкто-Томаса собираютъ съ него орѣхи. Тамъ водятся обезьяны, кои научены и воду въ домы носить; съ маленькимъ сосудцомъ кокосовыхъ орѣховъ посылаютъ на колодцы ихъ и онѣ исправляютъ весьма вѣрно свою должность. Дикія обезьяны какъ скоро примѣчены будутъ на деревѣ кокосовомъ или близко онаго, то обитатели острова Санкто-Томаса приходятъ къ кокосовому дереву и нарочно обезьянъ пугаютъ, дразнятъ, мечутъ въ нихъ небольшими камешками; напротивъ того обезьяны съ дерева кокосова бросаютъ спѣлые орѣ-

хи, которые они подбираютъ, тамъ неболѣе стоитъ орѣхъ двухъ копѣекъ или штивера. Ростетъ еще въ Санкто-томасѣ сахарной тросникъ, наши Россіяне изъ простыхъ людей думаютъ и называютъ оной плодъ сахарнымъ пескомъ, и будто есть сего песку цѣлыя горы, но онъ въ доказательство противнаго говоритъ: что плодъ сей подобенъ нашей Россійской травѣ ангеликѣ, или по просту назвать боршу или коровнику, которая ростетъ на мокрыхъ мѣстахъ большею частію нежели на гористыхъ и кою малыя ребята рвутъ и очистивши кожу ѣдятъ, а Американскихъ природныхъ жителей онаго острова Санкто-томаса Араповъ ребята срѣзавши сахарную трость ѣдятъ и сосутъ сладость патоки разрѣзавъ на части; взрослые же Американцы подрѣзываютъ тростникъ мѣсяца чрезъ три во всякое время и онъ опять вторично выростаетъ; они его несѣютъ и несадятъ но самъ оной выростаетъ срѣзаной, изъ него вяжутъ пучки и сдѣлана у нихъ машина или по рускому

названїю *жеми*, коими всю патоку выжимаютъ и варятъ въ котлахъ мѣдныхъ на огнѣ а она садится въ пѣсокъ, которой они кладутъ въ бочки здѣланныя изъ дерева привозимаго изъ Данїи въ доскахъ, а тамошнее дерево негодится, ибо весьма крѣпко, а особливо самшитъ, вернебукъ или красной сандалъ, и прочїя. Кофїй на ономъ островѣ ростетъ въ немаломъ изобилїи при морскихъ заливахъ на деревахъ небольшихъ, кои подобны нашей сливѣ или вишнѣ и самой молодой яблонѣ величиною неболѣе аршина въ два и три. Американцы и Арапы Санкто-Томаскїе жители збираютъ съ сего дерева плоды, постилаютъ подъ него полотно или худыя паруса и дерево тресутъ легонько; въ каждой вѣточкѣ находится ихъ два зернышка, по очищенїи коихъ сушатъ на солнцѣ и вѣютъ по своему обыкновенїю лопатою, чтобъ отстала чешуя противу вѣтру; они несадятъ такъ же и несѣютъ кофїю, но оное тамъ самородное.

Баранщиковъ никакъ немогъ приобыкнуть къ Нѣмецкому языку и сдѣлался непонятенъ въ ученіи ружьемъ, за что хотя его товарищей рекрутъ часто бивали палками, но онъ былъ извиняемъ и небылъ битъ чрезъ два мѣсяца, вмѣсто чего однако же изъ онаго острова промѣняли его Гишпанскаго владѣнія въ островъ Порторико не въ далькемъ оттуда разстояніи.

Въ Порторико посланъ онъ изъ Санкто Томаса на небольшомъ кораблѣ, куда пріѣхалъ чрезъ двои сутки и за него Гишпанской Генералъ или Комендантъ подарилъ Датчанамъ двухъ Араповъ. — Въ Порторикѣ служилъ онъ при кухнѣ Генеральской въ черной работѣ, то есть: рубилъ дрова, чистилъ кострюли и котлы, носилъ воду и другія исправлялъ работы около полутора года, т. е. до половины 1783 года, доволенъ пищею и всѣмъ. Какъ скоро привезенъ онъ былъ въ Порторико, то его Баранщикова заклеймили въ присутственномъ мѣстѣ на лѣвой рукѣ 1) святое Марі-

сію держащею въ правой рукѣ розу а въ лѣвой тюльпанъ, 2) кораблемъ съ опущеннымъ якоремъ на канатѣ въ воду, 3) сіяющимъ солнцемъ, 4) сѣверною звѣздою, 5) полумѣсяцомъ, 6) четырьмя маленькими сѣверными звѣздами, 7) а на кисти той лѣвой руки осьмиугольникомъ, 8) клеймомъ означающимъ 1783 годъ, 9) буквами М. Н. то есть: Мишель Николаевъ или Михайло Николаевъ; отъ сего бываетъ весьма чувствительная боль, ибо такими маленькими желѣзными машинками съ иглами здѣланными и натертыми порохомъ, когда заклеймятъ, кровь течетъ и сутки трои рука несносно болитъ и смыть или стереть пороху ничемъ неможно. Научась говорить и разумѣть по Гишпански, къ неожидаемой радости въ одно время былъ вопрошенъ Баранщиковъ по Гишпански Генеральскою супругою. — *Естьли у тебя отецъ и мать и нѣтъ ли жены?* тогда онъ ставъ предъ нею на колѣни и проливая слезы отвѣчалъ ей для приведенія въ жалость: что онъ имѣетъ

отца, мать, жену и троихъ маленькихъ дѣтей. Великодушная госпожа Генеральша сжалившись на его состоянїе обѣщала ему у своего супруга изпросить свободу, что въ скоромъ времени и исполнила. — Ему данъ пашпортъ печатной на Гишпанскомъ языкѣ, въ которомъ онъ именованъ: Московитинъ Мишель Николаевъ, и награжденъ отъ господина Генерала 10 Песодорами монетою Гишпанскою по Россїйскому щету тринатцатью рублями. — Съ тѣмъ пашпортомъ нанялся въ Портарикѣ на Италїанскомъ купеческомъ кораблѣ въ Европу плыть къ Италїанскимъ берегамъ въ Генуу матрозомъ и на томъ кораблѣ плылъ Сѣвернымъ Океаномъ около трехъ мѣсяцовъ.

1784 года въ Генварѣ мѣсяцѣ схвачены они были въ Океанѣ Тунизскими разбойниками или инако называемыми Мисирскими Турками живущими въ Африкѣ. — Немогши противиться силою, товары и всѣ осьмнадцать человѣкъ взяты въ полонъ. —

Мисирскiе Турки имѣли тогда войну съ Венецiанами и одного изъ ихъ матрозовъ Италiанца тотъ же часъ, какъ овладѣли кораблемъ бросили въ море по причинѣ той, что онъ зналъ ихъ языкъ и говорилъ имъ съ угрозами. — По раздѣленiи добычи, четырехъ человѣкъ принужденно обрѣзали въ Магометанскую свою вѣру, въ томъ числѣ и его Баранщикова и заклеймили солнцемъ на правой рукѣ желѣзною дощечкою съ иглами натертою порохомъ. Онъ достался на часть корабельному Капитану называемому Магомету, и нарекли ему имя *Islamъ* : онъ былъ скованъ, когда достался въ полонъ, болѣе десяти часовъ на Турецкомъ кораблѣ. Изъ Сѣвернаго Океана проѣхали они чрезъ проливъ Гибралтарской Средиземное море, Архипелагъ или Морею, острова Кандiю и Кипръ въ Азiатическую Турцiю и пристали въ заливѣ Катальскомъ въ Портѣ города Виѳлеема, продолжая путь съ лишкомъ два мѣсяца. Капитанъ Магометъ имѣлъ свое жилище въ городѣ Виѳлеемѣ у

котораго служилъ онъ Баранщиковъ съ лишкомъ годъ и восемь мѣсяцовъ, и варилъ кофїй иногда въ день разъ до пятнадцати. — Магометъ имѣлъ четырехъ женъ.

Трудная должность кофишенка заставила о немъ Баранщиковѣ изъ оныхъ четырехъ женъ Магометовыхъ всякую за его усердную службу и почитанїе имъ отдаваемое весьма сожалѣть; онъ расказывая свои приключенїя онымъ четыремъ женщинамъ приводилъ ихъ всегда въ слезы. Наконецъ зделались онѣ къ нему откровенными и жалостливыми, что онъ имѣетъ жену и троихъ дѣтей. — Вопрошаютъ они его: что то есть Россїя? и какъ живутъ Россїяне? Онъ же сдѣлалъ примѣтя ихъ слабость весьма смѣшное и по ихъ названїю чудное дѣло: въ одинъ разъ сварилъ изъ сарацынскаго пшена глиненой горшокъ каши и положилъ тюленьяго жиру; та каша разопрѣла и у него горшокъ трѣснулъ; онъ же въ небытность Магомета, призвалъ тѣхъ его четырехъ

женЪ и сказалЪ: посмотрите сударыни, какЪ я по Россійски стану кушать кашу, у насЪ коровье масло весьма дешево, нетакЪ какЪ здѣсь я принужденЪ ѣсть съ тюленьимЪ жиромЪ; онѣ удивились всѣ четыре женщины а Баранщиковъ нарочно съѣлЪ горшокЪ каши, и всталЪ какЪ будто голоденЪ: лишь только пришелЪ домой МагометЪ Паша, то онѣ расказали, что ИслямЪ твой слуга скушалЪ крутую кашу при насЪ съ тюленьимЪ жиромЪ; МагометЪ равно какЪ и они пришелЪ вЪ удивленіе, смѣялся, хохоталЪ, и неповѣривЪ своимЪ женамЪ, сказалЪ: что должно брюху трѣснуть, когда ИслямЪ наѣлся такой по вашему пересказанію каши; призовите вы его, я самЪ распрошу, правда ли ето. БаранщиковЪ призванЪ былЪ при четырехЪ своего господина женахЪ и вЪ своемЪ кушаньѣ незаперся; КапитанЪ МагометЪ весьма радовался, и смѣясь говорилЪ по Турецки: *ИслямЪ Баша! нероды ЧокЪ Екмель?* то есть: *какЪ ты кашу ѣлЪ, горшокЪ трѣснулЪ, я думаю что и твое брюхо такЪ же трѣснетЪ;* Баран-

щиковЪ сЪ веселымЪ видомЪ отвѣчалЪ ему, я еще два горшка такихЪ же съѣмЪ; МагометЪ удивясь сказалЪ: подлинно Россіяне, какЪ я по слуху знаю, вЪ прошедшую войну сожгли у насЪ вЪ чесмѣ флотЪ, разбили насЪ, всѣхЪ нашихЪ храбрыхЪ витязей умертвили на сухомЪ пути за рѣкою ДунаемЪ и передЪ ДунаемЪ; мы гдѣ ни посмотримЪ, то вездѣ Россіяне, вЪ горахЪ и вЪ разсѣлинахЪ земныхЪ, куда ни поворотимся, куда ни пойдемЪ, то вездѣ Россіяне, насЪ разбиваютЪ и предаютЪ смерти, берутЪ вЪ полонЪ, отсылаютЪ вЪ свои города за карауломЪ, и мы боимся ихЪ; скажи мнѣ пожалуй отЪ чего вы столько сильны: БаранщиковЪ ободрясь случаемЪ вздумалЪ тотЪ же часЪ хорошую ложь и сказалЪ Магомету своему господину небоясь его: наши солдаты или янычара презираютЪ смерть: у насЪ есть трава растущая вЪ болотахЪ, и когда янычарЪ идетЪ на войну, лишь бы только ее укусилЪ, то неподумайте чтобы одинЪ человѣкЪ ненапу-

стилъ на двѣсти вашихъ Турковъ, то есть *ики Юсъ Адамъ*. Такъ и я такой же, меня ты неподумай удержать; я тебѣ служу годъ и два мѣсяца, а ты Магометъ Паша долженъ по повелѣнїю великаго нашего Пророка Магомета чрезъ семь лѣтъ отпустить меня на свободу и дать мнѣ награжденїе и тогда я куда хочу туда и пойду. Совѣсть Магомета изобличала и онъ въ замѣшательствѣ увѣщалъ Баранщикова такъ: Иссламъ намъ съ тобою небраниться и нессориться, мнѣ удивительна кажется твоя каша вареная; я созову гостей и ты пожалуй свари кашу, и при нихъ кушай, да и многажды буду звать, чтобъ ты кушалъ. Такая потачка сдѣлала его на нѣкоторое время счастливымъ. Баранщиковъ каждой день варилъ для себя крутую кашу; и какъ невсякой горшокъ и лопалъ, то умудрился онъ покупать пузири, и нарочно закричалъ, что каша поспѣла, а пузырь положа на огонь производилъ такой звукъ, будто горшокъ лопнулъ, и тѣ четыре женщины Турчанки при-

бѣгали къ нему въ кухню, а онъ разбивъ горшокъ чемъ нибудь смѣшилъ очень ихъ и Капитанъ Магометъ Паша нарочно созывалъ къ себѣ гостей и велѣлъ ему кашу при себѣ съѣдать; Турки, Магометовы пріятели, дарили по нѣскольку денегъ за то Исляму Баранщикову.

На конецъ вздумалъ отъ Магомета Паши въ печали о своемъ отечествѣ Россіи, христіянской вѣрѣ, женѣ, и малолѣтныхъ троихъ дѣтяхъ незабвенно въ сердцѣ его обращавшихся бѣжать въ Россію, но какъ онъ отъ Магомета Паши бѣжалъ невзявъ у него ничего и незная дороги куда итти, то и пойманъ на третій день Турками и приведенъ къ нему Магомету Пашѣ, за что весьма былъ битъ шамшитоваго дерева по пятамъ палками и онъ немогъ ходить болѣе мѣсяца, но ползалъ: при исполненіи наказанія просилъ и кричалъ помилуй батюшка на Турецкомъ языкѣ; однако неперестали его бить до тѣхъ поръ, какъ свирѣпость и злоба Магометова неукротилась и онъ приго-

варивалъ, я нетебя бью, а твои ноги, они виноваты, чтоты бѣжалъ, ты забылъ что Музульманъ и долженъ жить у меня. Всякой Грекъ подъ владѣнïемъ Турецкимъ живущïи умѣетъ говорить по Турецки, то какъ скоро выздоровѣлъ Islamъ Баранщиковъ, несмотря на свои мучительныя побои, пошелъ на корабельную пристань города Виѳлеема и увидя на одномъораблѣ Греческой флагъ и пришедши къ хозяину корабля Греку Христофору, расказалъ всѣ свои нещастïя на Турецкомъ языкѣ, незная по Гречески; добродетѣльный Грекъ Христофоръ услышавши, что онъ Россïянинъ и злополучной человѣкъ, принялъ во уваженïе его Баранщикова нещастïе, а притомъ учинилъ христïянское и подробное увѣщанïе: „какъ ты „живешъ у богатаго господина, то ты „ничего изъ дому неукрадь; приходиже „ко мнѣ на корабль чрезъ четыре сутки „ночью часа въ два, и какъ будетъ „вѣтръ благополучной, то мы снимемся „съ якоря и пойдемъ въ море. За отвозъ „Грекъ Христофоръ съ него Баранщи-

кова ничего нетребовалъ, кромѣ услуженія на караблѣ въ матрозской должности до Царя града, а по пріѣздѣ туда, обѣщалъ и въ томъ устоялъ подлинно, что онъ свободенъ остался, и научилъ явиться къ Россійскому Императорскому въ Стамбулѣ или Царѣградѣ Министру. По приказанію добродушнаго Грека Христофора, Баранщиковъ исполнилъ и пришелъ въ назначенное время на корабль, гдѣ сокрытъ былъ въ тайникѣ близъ каюты; снявшись съ якоря пошли въ море въ четвертый день благополучно и пріѣхали къ городу Яффѣ, лижащему въ томъ же Катальскомъ заливѣ, чтобъ сыскать въ семъ городѣ православныхъ христіянъ для поклоненія въ святомъ градѣ Іерусалимѣ гробу Господню; поелику въ городъ Яффу многіе изъ христіянъ Европейскихъ то есть Италіянцы, Португальцы, Французы, Агличане, Венеціане и другіе пріѣзжаютъ; но тутъ никого незастали и по причинѣ сей должно было простоять въ портѣ города Яффы двѣ недѣли съ лишкомъ;

хозяинъ корабля Грекъ Христофоръ рѣшился съ двадцатью человѣками Европейскихъ христіянъ, по разнымъ случаямъ за своими нуждами пришедшихъ а недля богомолія пойти сухимъ путемъ во святый градъ Іерусалимъ; отъ города Яффы онъ стоитъ недалѣе ста пятидесяти верстъ: его Баранщикова взяли съ собою, а такіе Европейскіе христіяне скопляются для безопасности отъ злодѣевъ или разбойниковъ въ пути. Въ Іерусалимъ святый градъ пришли они въ третій день, но къ нещастію ненашли они въ Іерусалимѣ почти никого, кто бы въ силахъ былъ заплатить положенную Султанскимъ Величествомъ подать, для поклоненія во святомъ храмѣ гробу Господа Іисуса Христа; ибо Султанская стража гробъ и храмъ Господень стрегущая за малую плату собравшихся нѣсколькихъ христіянъ недопустила къ поклоненію гробу Христову и въ храмъ святый.

Городъ Іерусалимъ стоитъ въ полуденной полосѣ на пещаной и каме-

нистой землѣ, большею частїю строенїе въ немъ деревянное, тутъ есть развалины старинной крѣпости изъ дикаго камня достойныя удивленїя по величинѣ своей; но какъ онъ Баранщиковъ неимѣя понятїя о строенїи крѣпостей и бывъ только трои сутки въ Іерусалимѣ неможетъ дать яснаго понятїя кромѣ какъ о строенїи обитателей Іерусалимскихъ, то объявляетъ что сей городъ неболѣе имѣетъ въ окружности обывательскихъ домовъ какъ версты на четыре. Спросилъ онъ на Турецкомъ языкѣ добродушнаго Грека Христофора *Жанымъ Баба? не буюкъ Бу Джемии*, то есть *какая это церковь великолѣпная батюшка?* на что онъ отвѣчалъ: сїя церковь именуется *святая святыхъ*; онъ сказалъ ему: пойдемъ въ нее и помолимся. Христофоръ же Грекъ отвѣчалъ на сїе: насъ въ нее непустятъ, а молятся только Турки и самъ здѣшнїй Іерусалимскїй Паша всякую недѣлю по пятницамъ по ихъ названїю джемиду съ великимъ благоговѣнїемъ. Близь той церкви есть ворота изъ дикаго

камня состроенныя, въ которые Господь Христосъ въѣхалъ на ослятѣ, и о той церквѣ сказывалъ ему Грекъ Христофоръ, что оная стоитъ на полдни олтаремъ. Съ Христофоромъ ходили въ Іерусалимѣ во всѣ три дни, въ разныя церкви и молилися, и нѣкогда спросилъ онъ Христофора объ одной церкви, какъ ей наименованіе, ибо она великолѣпна и красива и съ наружи стѣны списаны Греческой работы образами, то онъ сказалъ, сей церкви именованіе, *Вазаръ Дюнь*, или воскресеніе Христово. Баранщиковъ изъ любопытства той церкви воскресенія Христова обошелъ одну стѣну и намѣрялъ двѣсти двадцать шаговъ, а кругомъ онъ думаетъ болѣе семи сотъ шаговъ. Полагая въ каждую Россійскую сажень по обыкновенному изчисленію три шага въ сажени, то сія церковь воскресенія Христова будетъ въ окружности съ лишкомъ двѣсти тридцать сажень. Гробъ Господень въ сей церквѣ.

Хозяинъ его Христофоръ сожалѣя и болѣзнуя о немъ такъ какъ отецъ о своемъ сынѣ, что онъ неволею обрѣзанъ бывши полоненъ Турками на караблѣ въ Магометанскую вѣру, привелъ его къ Греческимъ священникамъ во святомъ градѣ Іерусалимѣ въ часовню стоящую недалеко отъ церкви воскресенія Христова, которые по исповѣданіи имъ всего съ нимъ случившагося приказали сторожу заклеймить на правой рукѣ образомъ Распятія Господня на доскѣ желѣзной съ иглами натертой порохомъ: отъ сего удара доски желѣзной или клейма весьма чувствительно потекла изъ руки кровь, послѣ чего сторожъ отнялъ сію желѣзную доску минуты чрезъ двѣ, а сутки трои чувствовалъ онъ чрезвычайную боль отъ заклейменія. Протолковали или объявили оные священники ему въ наставленіе, что онъ уже свободенъ отъ Магометанской вѣры и когда заклейменую свою руку покажетъ Туркамъ и другимъ Магометанамъ, то они будутъ его презирать

и гнушаться а особливо если къ чему онъ прикоснется или возьметъ , то оную вещь должны оии по закону Магометову продать или бросить а неимѣть въ своемъ домѣ.

Еще видѣлъ онъ церковь безъ верху святаго Архистратига Михаила и Грекъ его хозяинъ сказывалъ, что она давно уже въ запустѣніи и что тамъ былъ прежде монастырь , но турками уничтоженъ и монахи изъ сего монастыря разогнаны или убиты.

Изъ святаго града Іерусалима съ великимъ прискорбіемъ, что неудостоились лобызать гробъ Господень возвратился онъ съ своимъ добродушнымъ хозяиномъ Христофоромъ въ Яффу чрезъ трои сутки. Изъ Порта города Яффы пошли водами Кипрскими и Кандійскими, и въ правой сторонѣ оставался у нихъ островъ Корфу и заливъ Тарентскій, откуда пустились въ Адріатическое море или заливъ Венеціянской и приплыли въ городъ Венецію чрезъ двадцать пять дней для торгу. — Въ Венеціи надлежало запастить при-

пасами и стояли въ портѣ Венеціанскомъ недѣли съ четыре: строгость и наблюденіе должнаго порядка въ Венеціи о каждомъ пріѣзжающемъ, заставили и его Баранщикова отвѣчать: откуда онъ родомъ? и по какому случаю находится на кораблѣ Греческаго купца? По сему вопросу долженъ онъ былъ всѣ свои приключившіяся нещастія объяснить главному Венеціанскому правленію, и показать печатной пашпортъ, данной ему отъ Гишпанскаго Господина Генерала и коменданта въ островѣ Портарикѣ; и какъ онъ на Италіанскомъ кораблѣ взятъ съ прочими въ полонъ Турками, обрѣзанъ на кораблѣ въ Магометанскую вѣру, увезенъ въ Виѳлеемъ, былъ невольникомъ у Турка Магомета, заклейменъ на правой рукѣ солнцемъ, и что добродушной Грекъ Христофоръ увезъ его тайно изъ Виѳлеема города на своемъ кораблѣ, и пашпортъ Гишпанской хранилъ онъ Баранщиковъ при себѣ необъявляя никому, то Венеціанское правленіе по сему неложному доказательству соблаговолило

дать ему свой печатной пашпортъ съ изображенïемъ на ономъ почивающаго въ Венецïи святаго Апостола и Евангелиста Марка. Тамъ многïе благопрïятствовали ему и удивлялись страннымъ случаямъ съ нимъ послѣдовавшимъ, и онъ имѣя два пашпорта Венецïанской и Гишпанской могъ бы отъ хозяина своего Христофора удобно отстать; но какъ условïе, чтобъ плыть ему до Царя града матрозомъ, такъ и опасность, которой подвергалъ онъ жизнь свою за него, препятствовали ему неустоять въ данномъ словѣ; ибо когда бы тотъ Грекъ съ нимъ поиманъ былъ, то оба неминуемо были бы казнены по строгости Турецкихъ законовъ смертïю. Оставивъ Венецïю отплыли они въ кораблѣ своемъ обратно въ Азïю сперва приставши въ Европѣ къ Фрïульскимъ берегамъ въ портахъ городовъ Трïеста а изъ Трïеста чрезъ недѣлю отправясь въ Микулу, гдѣ находится Россïйскïй Консулъ изъ Славонцовъ господинъ Контжуанъ, къ кому Баранщиковъ ходилъ и расказалъ

свои нещастія и что нынѣ на кораблѣ Греческаго купца ѣдетъ въ Константинополь прося его господина Контжуана о покровительствѣ, на что онъ сказалъ: я скоро поѣду въ Царь-градъ и тебѣ радъ сдѣлать всякую помощь, только ты явись къ господину Россійскому Императорскому Министру Якову Ивановичу Булгакову. — Ободренъ будучи симъ случаемъ пришелъ на корабль, радуясь что можетъ скоро видѣть свое отечество. Изъ Микулы отправились чрезъ восемь дней въ Жмирну, городъ лежащій въ Азіи подъ 45 степенью долготы и 36 степенью полуденной широты: (т. е. Смирну) ибо Баранщиковъ по нарѣчію Славонцовъ или Грековъ Турковъ и другихъ Восточныхъ жителей произноситъ или говоритъ Жмирна а не по Россійски Смирна. Ему такъ сей городъ понравился, что онъ расхвалить его довольно неможетъ. Продавая Грекъ Христофоръ сарацынское пшено, Мисирскіе славные сабли и кинжалы, стояли въ Смирнѣ двѣ недѣли. Смирна имѣетъ все деревян-

ное строенїе прекрасное и въ семъ городѣ отправляется великой торгъ и отъ всѣхъ Европейскихъ дворовъ въ ономъ живутъ повѣренные въ дѣлахъ или Консулы: Россїйской, Гишпанской, Италїанской, Аглинской, Французской и прочїе: да и самые лучшїе домы на пристани корабельной ихъ Консуловъ. Изъ Смирны чрезъ Морею приплыли въ Дарданеллы а изъ Дарданеллъ въ Бѣлое или Мраморное море и пристали въ портъ Константинополя, имѣвъ плаванїе изъ Смирны до Царя-града неболѣе трехъ недѣль и незаходивъ ни къ какому порту или городу.

Грекъ Христофоръ по прибытїи въ Константинополь тотъ же день отпустилъ его Баранщикова съ своего корабля благодаря за службу но ничего въ награду даже ни одной копейки недавъ. На другой день пошелъ онъ въ Перу или по Турецки называемую улицу *Галата Юкарда*, стоящую на горѣ, гдѣ обитаютъ всѣ Европейскїе Министры и прибывъ туда и на-

шедши домЪ Россійскаго Императорскаго Министра Его Превосходительства Якова Ивановича Булгакова, немогЪ кЪ нему явиться для того, что онЪ вЪ то время нежилЪ вЪ самомЪ ЦарѢградѢ, по причинѢ случившейся моровой язвы, а имѢлЪ свое пребываніе на мызѢ *БуюхтурЪ* называемой, разстояніемЪ верстЪ на тридцать отЪ Константинополя близь Чернаго моря, вЪ коей и всѢ Европейскіе Министры живутЪ убѢгая мороваго повѢтрія, и туда уже никого непропускаютЪ. — Тогда БаранщиковЪ вЪ домѢ Его Превосходительства предсталЪ домоправителю и изЪяснилЪ ему всѢ обстоятельства, что онЪ принужденно обрѢзанЪ по Магометанскому закону и добродушнымЪ ГрекомЪ ХристофоромЪ тайно увезенЪ изЪ Виѳлеема на кораблѢ; но сей г. домоправитель неподвигнулся примѢромЪ того Грека, а приказалЪ, чтобЪ онЪ никогда вЪ домЪ Императорскаго Министра неходилЪ претя отдачею, буди прійдитЪ подЪ Турецкую стражу, сказавЪ при томЪ

съ негодованіемъ: какъ бы то нибыло, что ты Магометанской зоконъ само- вольно или принужденно принялъ, нужды нѣтъ вступаться Его Превосходительству, много васъ такихъ бродягъ, вы всѣ сказываете что нуждою отурчали. Баранщиковъ въ доказательство своей невинности сказывалъ, что онъ имѣетъ два пашпорта перьвой изъ острова Порторико Гишпанской, другой отъ Венеціанскаго правленія, но ничего онъ неуважалъ, а только повторялъ своими угрозами, что сей часъ отдастъ его Баранщикова подъ Турецкую стражу.

Чаявшій но неполучившій защиты и обремененный крайнею бѣдностію пошелъ съ отчаяніемъ со двора Его Превосходительства въ унынiи и слезахъ, ненаходя инаго способа, какъ только итти въ часть города Константинополя, которая отъ вливающаго воды свои Чернаго моря или пролива и соединяющагося съ бѣлымъ моремъ, обнесена каменною стѣною составляющею великую окруж-

ность, гдѣ всѣ Европейцы, Азïятцы и другïе народы имѣютъ свое жилище, какъ то: Россïяне, Нѣмцы, Французы, Венецïане, Армяне, Агличане, Греки, Жиды, Болгары, Сербы, Арнауты и прочïе, и сыскавъ тамъ для себя работу на корабельной пристанѣ былъ у оной болѣе мѣсяца и имѣлъ отъ нее свое пропитанïе, получая иногда въ день по два левка т. е рубль двадцать копѣекъ; пища же ему стоила каждые сутки по дороговизнѣ харча въ Константинополѣ, какъ умѣренно ни жилъ, съ лишкомъ одинъ левокъ на хлѣбъ, мясо, или рыбу, а на обувь и одежду очень мало оставалось по тому, что въ пятницу запрещено отъ Турковъ работать а въ воскресенье по Греческому закону неработаютъ; туфли же или коты по Турецкому названïю *Емени* стоятъ тутъ дорого и ихъ нельзя проносить болѣе трехъ недѣль. Въ одно время пошелъ онъ на Россïйской гостиной дворъ, гдѣ болѣе ста лавокъ построено деревянныхъ и гдѣ продаютъ: юфть, масло коровье,

мѣдь, мыло, желѣзо и прочее, въ чаянїи ненайдетъ ли себѣ какого избавленія, чтобъ уѣхать на кораблѣ въ Россїю, о чемъ и разговаривалъ съ купцами Россїйскими по нѣкоторымъ временамъ ходя въ Греческомъ платьѣ и изъявляя нещастныя свои приключенія; но всякъ изъ нихъ сомнѣвался, чтобъ онъ могъ безъ подверженїя себя великой опасности уѣхать по той наипаче причинѣ, что былъ многимъ Туркамъ знакомъ. Въ такихъ колебанїяхъ для него непрїятныхъ препроводилъ онъ житье свое болѣе полутора мѣсяца въ Константинополѣ; по томъ нечаянно увидѣлъ двухъ человѣкъ на Галатѣ близь гостинаго Россїйскаго двора въ Турецкомъ платьѣ, которые говорили по руски весьма изрядно, и онъ подошедъ къ нимъ будучи одѣтъ въ бѣдномъ Греческомъ платьѣ свойственномъ матрозу сказалъ: здравствуйте господа? никакъ вы были Русскїе? они ему на то отвѣчали, ты угадалъ; скажи ты намъ о себѣ: кой городъ? Я Нижегородской мѣщанинъ, отвѣтство-

валЪ онЪ и родиной изЪ самаго Нижняго города: да и мы братЪ тебѣ земляки, продолжали они и бывали вЪ Арзамасѣ сапожниками, сюда же какЪ зашли, то спрашивать тебѣ не для чего. ОдинЪ изЪ нихЪ открылЪ свое имя сказавЪ: меня зовутЪ *ГусманЪ*, пойдемЪ ко мнѣ вЪ гости, я имѣю домЪ, жену и живу хорошо, да и тебѣ здѣлаю можетЪ быть щастiе. Такому случаю БаранщиковЪ весьма былЪ радЪ, надѣясь получить отЪ своего земляка какую ни есть помощь. Пришедши кЪ нему Гусману вЪ домЪ отстоявшiй болѣе полуверсты отЪ Галаты вЪ улицѣ называемой *Толаны* увидѣлЪ, что онЪ имѣетЪ трехЪ женЪ; ГусманЪ произносилЪ на Христiанской законЪ хулу, увѣщевалЪ его быть МагометаниномЪ и забыть свое отечество Россiю. ИзЪ простодушiя БаранщиковЪ открылся, говоря сЪ нимЪ по руски, что онЪ давно уже принялЪ Магометанской законЪ по неволѣ плывя изЪ Америки на ИталiанскомЪ кораблѣ, и что взятЪ былЪ вЪ полонЪ Мисирскими

Турками, отвезенъ въ Виѳлеемъ городъ и на Турецкомъ кораблѣ заклейменъ на правой рукѣ солнцемъ, знаетъ всѣ Магометовы молитвы и бывалъ въ Виѳлеемѣ и въ мечетяхъ Турецкихъ исполняя предписанное закономъ Магометанскимъ принужденно. Мы давно тебя видали, сказалъ ему Гусманъ, на гостиномъ дворѣ у купцовъ Россійскихъ и слышали, что ты Музульманъ: пожалуй раскажи намъ, продолжалъ онъ, какъ ты уѣхалъ изъ Виѳлеема; намъ такіе люди надобны и насъ руских очень мало осталось отъ мору въ Царѣ-градѣ. Баранщиковъ зная, что естьли будетъ противорѣчить, то едва ли избѣжитъ бѣды, отозвался такъ: я служилъ у Магомета Паши а отъ него бѣжалъ и уѣхалъ на Греческомъ кораблѣ въ Константинополь.

Вдругъ сей бывшій Россіанинъ называющійся Гусманомъ пришелъ въ смятеніе и сталъ говорить съ нимъ по Турецки при трехъ своихъ женахъ: для чего ты будучи въ Магометовомъ законѣ, носишъ одежду Греческую? ты

знаешъ ли, что за сїе смерть опредѣлена? Ислямъ Баранщиковъ палъ ему Гусману въ ноги и просилъ помилованїя изъяснивъ: что онъ по неимуществу и бѣдности своей неимѣетъ за что купить Турецкаго платья. Сей извергъ Гусманъ тотчасъ оставилъ его подъ присмотромъ своихъ домашнихъ а ему грознымъ голосомъ сказалъ: я въ сїю минуту приведу *Имана*; т. е. попа.

Иманъ пришелъ неукоснительно съ Гусманомъ, разпросилъ порядокъ дѣла и всѣ случаи; напослѣдокъ рѣшился и сказалъ: ты Гусманъ дай мнѣ двадцать левковъ, а я дѣло здѣлаю; Гусманъ подарилъ ему тѣ деньги. Тогда Иманъ написалъ записку такую: „что Россїанинъ Василей пришедъ въ „Стамбулъ т. е. Царь-градъ, добро„вольно принялъ Магометовъ законъ, „наученъ молитвамъ и нареченъ име„немъ *Исляма*; послѣ чего надѣли на „него Турецкую чалму.

Отступникъ вѣры христїанской Гусманъ обще съ Иманомъ смѣтили свою прибыль, и по данной запискѣ въ руки

Гусману, научили Ислама Баранщикова, чтобъ онъ ничего по Турецки неговорилъ, и отзывался незнанiемъ языка, а только что въ четыре дни наученъ читать Иманомъ *Ибрагимъ Баба* т. е. священникомъ Ибрагимомъ одну Магометова закона молитву.

Со лживою отъ Имана Ибрагима данною запискою, чтобъ 20 левковъ Гусманомъ ему подаренныхъ возвратить съ прибылью, повелъ онъ Гусманъ его Ислама Баранщикова къ великому Визирю, которыи повелѣлъ именемъ своего Государя выдать въ награжденiе ему сто левковъ за принятiе Магометанской вѣры (каждой левокъ по 60 копѣекъ) и опредѣлить его въ янычары и производить жалованья на каждые сутки по 15 паръ или Россiйскихъ 22 $_2$ копѣйки; послѣ того ходили они съ Гусманомъ къ разнымъ Господамъ и къ купцамъ Турецкимъ; Гусманъ приводилъ каждаго въ удивленiе расказами на Турецкомъ языкѣ; его же Ислама заставлялъ онъ читать съ великимъ воздыханiемъ такъ называемыя правовѣр-

ныя Магометовы молитвы; такимъ притворствомъ святости и посредствомъ хожденія въ мечети Константинопольскія насбирали они чрезъ одну недѣлю, по Турецкому названію *Биръ Афта* съ пожалованными стами левками изъ казны Султанской 400 левковъ а на щетъ Россійской 240 рублей; болѣе же по закону Турецкому одной недѣли новопріявшему Магометову вѣру ходить и просить непозволено.

Гусманъ стращая Баранщикова доносомъ, что онъ имѣетъ на рукѣ Распятіе Христово, говорилъ: бѣднякъ ты Islamъ, ежели я донесу, то тебѣ неотмѣнно смертная казнь будетъ; онъ же незная судебныхъ обрядовъ Оттоманской порты согласился отдать изъ собранныхъ денегъ 200 левковъ или 120 рублей, чемъ Гусманъ удовлетворя нѣсколько своей жадности припомнилъ ему и то, что онъ за одну записку подарилъ Иману 20 левковъ и что безъ того конечно бы онъ пропалъ: довольно съ тебя, сказалъ ему, такой же половины, ты видишъ, сколько было моихъ тру-

довъ водить тебя по Царю граду, просить и умолять каждаго къ подан́ію тебѣ милостыни, теперь живи и служи Султанскому Величеству вѣрно и честно. По раздѣлен́іи же денегъ свелъ его въ казармы къ холостымъ Янычарамъ, и отдалъ въ команду чиновнику по ихъ сре называн́ію Югъ Башѣ. Коварство и сребролюб́іе Гусманово вложило ему въ голову сожалѣн́іе объ Исламѣ, чтобъ онъ былъ женатъ на Турчанкѣ, желая тѣмъ случаемъ присоединить своего земляка въ свою родню: онъ улещалъ его такъ: женись братъ на моей свояченицѣ, она дѣвка добрая, а деньги у тебя есть, отецъ у нее и домъ хорошъ, тебѣ жить въ казармахъ Янычерскихъ весьма трудно, ни обшить ни обмыть нѣкому будетъ; онъ Исламъ согласился на всѣ предложен́ія Гусмановы видя себя въ неминуемой бѣдѣ и жилъ въ казармѣ Янычарской только недѣлю; тутъ кормятъ Султанскою пищею одинъ разъ въ день, и даютъ бѣлой хлѣбъ съ вареною изъ сарацынскаго пшена кашею, въ которой довольно

мяса, такъ же табакъ, сколько кто хочетъ, а ѣдятъ десять человѣкъ вмѣстѣ, и при каждомъ десяткѣ определенъ Iокъ Паша или капралъ, чтобъ небыло никому обиды въ пищѣ, и тутъ всякъ получаетъ и постелю а больше ничего. Въ Янычарскую казарму всякой пришедшїй Турокъ можетъ получать пищу, коей остается предовольно и Янычари изъ добродушїя кормятъ постороннихъ. Въ прочемъ ни одинъ Янычаръ неваритъ самъ сей каши и непечетъ хлѣбовъ, но особливые приставники.

Гусманъ неупустилъ случая чрезъ недѣлю сосватать за Ислама невѣсту, одной жены своей сестру именемъ *Аишедуду*, которой отъ роду было лѣтъ 18 и у которой были выкрашены ногти красною краскою по примѣру всѣхъ молодыхъ Турчанокъ, кои имѣютъ всегда лицо покрытое и лишь видны у нихъ однѣ глаза, и ему нельзя было видѣть своей невѣсты до самаго брачнаго сочетанїя, какова лицемъ. Гусманъ, что бы принудить Ислама Ба-

ранщикова жениться, выдумалъ хитрое средство, настроивъ того же Имана Ибрагима, которой далъ лживую записку о принятіи имъ добровольно вѣры Магометовой и приведши его съ собою въ Янычарскую казарму, Иманъ Ибрагимъ увѣщевалъ его Баранщикова, чтобъ онъ Islamъ жилъ какъ Музульманъ (правовѣрной) ты уже Янычаръ, сказалъ онъ, и въ Магометовой вѣрѣ, не простительно же по закону его быть неженатому, и для того непремѣнно женись. У Аишедуды былъ отецъ старикъ именемъ *Магометъ*, и онъ принятъ въ домъ тестевъ стоящій въ Царѣ-градѣ близь Топаны улицы., и свадьба совершена по ихъ обрядамъ въ мечетѣ, при чемъ положено условіе, что когда оставитъ свою жену, буде она нелюба ему покажется, то долженъ заплатить ей 50 левковъ, то есть 30 рублей пени, ибо тамъ всякой мущина имѣетъ право свою жену бросить или отослать отъ себя заплативъ по договору деньги; на противъ того мужъ ничего

приданаго за женою требовать недолженъ. Европейскїе законы сему противны. Сїи договоры Иманами пишутся по состоянїю людей въ 500, тысячу и болѣе левковъ. Съ Айшедудою Турчанкою жилъ онъИслямъ болѣе осьми мѣсяцовъ подъ строгимъ присмотромъ тестя и жены своей, твердъ ли онъ въ вѣрѣ Магометанской, и однажды едва избавился отъ наказанїя за неумовенїе и нечтенїе молитвъ, по доносу Иману (Попу) отъ жены *Айшедуды* и Магомета своего тестя.

Изъ денегъ своихъ долженъ онъ былъ давать женѣ и тестю на пропитанїе въ каждые сутки по 20 паръ, т. е. 30 копѣекъ, имѣя по ихъ обычаю кофїй, табакъ и всякїе плоды или фрукты, мясо баранье и говяжье, сарацынское пшено и хлѣбъ печеной бѣлой. Плоды же въ Царѣ-градѣ, кофїй и табакъ очень дешевы. Гусманъ его прїятель нерѣдко посѣщалъ въ домѣ, училъ какъ жить по Турецкому обыкновенїю и нераздражать никогда и ни чемъ тестя и жены; покупать же харчевое началъ

было самЪ БаранщиковЪ, незная обыкновенія, отЪ чего произошло на него негодованіе; но ГусманЪ отвратилЪ оное, сказавЪ Исляму, ты давай деньги тестю и женѢ, и они довольны будутЪ покупая сами нужное для себя и тебя. СвирѢпая Аишедуда всегда подозрѢвала его вЪ вѢрѢ Музульманской, тесть же старикЪ отецЪ ея МагометЪ времянемЪ постороннимЪ людямЪ хвалилЪ почтеніе отдаваемое ему всякой день зятемЪ ИсламомЪ.

Служба ЯнычарЪ состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ ходить на караулЪ во дворецЪ Султанской и онЪ хаживалЪ и стаивалЪ на часахЪ у воротЪ сЪ протчими Янычарами по недѢльно, имѢя у себя изрядное платье купленное изЪ собранныхЪ денегЪ 200 левковЪ, два пистолета и кинжалЪ; всѢ Янычары неимѢютЪ вЪ СтамбулѢ другаго вооруженія. ОнЪ БаранщиковЪ служа ЯнычаромЪ болѢе десяти мѢсяцовЪ, небылЪ ни ружьемЪ ни на саблѢ ниже стрѢлять изЪ пистолетовЪ обучаемЪ. Однажды во время своего караула видѢлЪ вЪ части

дворца или сераля выставленную на показанїе народу въ 1784 году одного преступника голову на серебряномъ блюдѣ украшенную разными цвѣтами, и листами; ему сказывали: что та голова Натолїйскаго Паши и привезена въ Стамбулъ изъ Анатолїи набитая разными ароматами и что должно оной простоять на томъ мѣстѣ цѣлую недѣлю, дабы народъ весь видѣлъ: тутъ прибитъ былъ на столбѣ каменномъ указъ Султанской изъясняющїй преступленїе Натолїйскаго Паши, и стеченїе народа къ сей головѣ приводило его Ислама въ удивленїе и содраганїе.

Служа Янычаромъ и ходя на караулъ во дворецъ нерѣдко онъ видалъ, а особливо по пятницамъ самого Султана и великолѣпные его выѣзды верхомъ на конѣ въ соборную мечеть именуемую по Турецки Ая Софья, которая была прежде Христїанская Греческая церковь и именовалась *Софїя* или премудрость Божїя. Великолѣпїе Султана и окружающихъ его особу 120

чиновниковъ блистающихъ драгоцѣнными каменьями и золотомъ неможетъ онъ совершенно пересказать, а только удивляясь по простодушїю своему говоритъ, что неоцѣненное сокровище на всѣхъ ихъ сїяетъ. Мечеть *Ая Софїя* отъ дворца неболѣе 150 саженей. Шествїе Султана продолжается съ великою тишиною болѣе часа до одной мечети, гдѣ молится неболѣе получаса, а иногда и меньше.

Однажды посланъ былъ Баранщиковъ съ другими Янычарами въ Дарданеллы для затопленїя двухъ военныхъ ветхихъ кораблей, кои нагрузя каменьями затопили, что бы пресѣчь путь иностраннымъ кораблямъ незнающимъ и невзявшимъ Турецкаго лоцмана.

Въ Константинополѣ весьма строга управа благочинїя, или полицїя, сколько ему Баранщикову замѣтить случилось; ибо онъ увидя, что у одного хлѣбника на правой рукѣ нѣтъ трехъ пальцовъ, спросилъ: какая тому причина? и отъ чего онъ и какою болѣзнїю оныхъ лишился; хлѣбникъ же ска-

залЪ: конечно ты иностранецЪ и живешЪ недавно вЪ СтамбулѢ, хотя ты и ЯнычарЪ: у меня три пальца отрѣзаны, продолжалЪ онЪ, вЪ разныя времена за то, что Турецкїе законы повелѣваютЪ такЪ, ежели нѣтЪ противЪ положеннаго вѣсу хотя вЪ одномЪ хлѣбѣ 10 драхмЪ, то отрѣжутЪ палецЪ одинЪ посланные для наблюденїя приставы, сЪ ними ходитЪ и палачь, который отрѣзываетЪ пальцы безЪ всякаго судебнаго приговора, и говорятЪ что руки и пальцы виноваты; за 3 же 4. 5. 7. 8. 9. драхмЪ (*) наказываютЪ по пятамЪ палками; все противное человѣчеству приводило его Баранщикова вЪ содроганїе; онЪ напослѣдокЪ и самЪ видалЪ, что такїе чиновники вЪ разныхЪ частяхЪ города Константинополя ходятЪ и подсылаютЪ пошаенныхЪ людей купить или хлѣба или мяса или кофїи, или чего нибудь другаго и лишь

(*) 400 драхмЪ составляютЪ одно око; а око ТурецкихЪ 3 фунта, РоссїйскихЪ 4 фунта и 16 золотниковЪ и такЪ одна драхма 3 сЪ небольшимЪ золотниковЪ РоссїйскихЪ.

бы продавецъ кого нибудь обвѣсилъ десятью драхмами, то пришедши сіи чиновники и изобличивъ его совершенно велятъ палачу отрѣзывать палецъ, а буде меньше, то бьютъ по пятамъ палками. Въ Константинополѣ ничего изъ съѣстныхъ припасовъ безъ вѣсу непродается, напримѣръ: хлѣбъ въ зернахъ, пшено сарацынское, мясо, масло коровье, виноградъ и другіе плоды, даже и дрова на вареніе пищи продаются вѣсомъ; тамъ незнаютъ ни хлѣбныхъ ни другихъ жидкихъ тѣлъ мѣры, кромѣ вѣсу.

Любезное отечество Россія, вѣра христіянская, внутреннее и наружное самаго себя чувствованіе, воспоминовеніе жены и троихъ сирыхъ дѣтей въ Нижнемъ Новѣ-городѣ, къ тому еще и то, что принужденно онъ долженъ исполнять Магометовъ законъ подъ строгимъ присмотромъ и наказаніемъ ежечастно приближающимся; такъ же и образъ жизни и нравовъ несходныхъ Россійскихъ съ Турецкими, повергнули его на конецъ Баранщикова въ крайнюю

печаль и смущеніе. Благочестіе христіанское твердило въ совѣсти его раскаяніе, что онъ впалъ по нещастнымъ своимъ приключеніемъ въ Магометанскую вѣру. Въ мечетяхъ ихъ нѣтъ никакого изображенія, чтобъ приводить на память благость Божію и удивляться, но только повѣшены по обѣимъ сторонамъ небольшія хрустальныя лампады, въ коихъ горитъ масло, что бы всякому пришедшему молится видно было: пришедъ въ мечеть всякой долженъ пасть на колѣни; онъ какъ Янычаръ былъ, то нерѣдко хаживалъ въ сію соборную *Ая Софья* мечеть для отвращенія отъ себя отъ Музельмановъ подозрѣнія.

Въ отдѣленномъ отъ Константинополя городѣ Галатѣ увидѣлъ онъ Баранщиковъ нечаянно пріѣхавшаго изъ Санктъпетербурга курьера, котораго упросилъ расказать ему всѣ свои нещастія и объявить почтовую дорогу, чрезъ какіе города Оттоманской порты они ѣздятъ. Курьеръ тотъ сожалѣя о немъ, расказалъ всю дорогу до самой

Россійской границы, и какЪ ему вЪ пути поступать, или обходиться сЪ разными жителями: Турками, Греками Молдаванами, и прочими.

Приближалось время быть Магометанскому Великому посту, по Турецкому названію *Рамазану*; которой продолжается чрезЪ весь Іюль мѣсяцЪ. Приходской ИманЪ (ПопЪ) говорилЪ ему: „ты скоро пойдешЪ на смотрЪ кЪ ве„ликому Визирю и получишЪ за двѣ „трети жалованья 60 левковЪ, то „тебѣ должно будетЪ взять еще дру„гую жену, а недовольно имѣть одной „*Аишедуды*; нетакЪ жить, какЪ живутЪ „твои Гяуры (*т. е. христіане или „неправовѣрные*) имѣя по одной женѣ; „ты можешЪ содержать изЪ своего „жалованья двухЪ женЪ; ГусманЪ твой „пріятель научилЪ тебя шить Турец„кіе сапоги, я про то знаю, и ты „сверхЪ жалованья получишЪ очень не„мало, по крайней мѣрѣ левка два вЪ „сутки, только неленись работай, твое „шитье сапоговЪ многіе похваляютЪ, „что шьешЪ крѣпкіе; женясь же на

„двухъ будешъ совершенной Музульманъ „и подозрѣніе на тебя въ вѣрѣ истре„бится; я подтверждаю тебѣ духовною „моею властїю весьма строго сїе непремѣнно исполнить.

Повелѣніемъ Имана умножилось болѣе въ немъ Баранщиковѣ презрѣніе къ Магометанской вѣрѣ, и онъ положилъ твердое намѣреніе избѣгнуть всѣхъ ея суетъ: онъ дѣйствительно шилъ сапоги, научившись у Гусмана, и продавалъ по 5 и по 6 левковъ, отъ чего получалъ изрядной доходъ, такъ что въ однѣ сутки приходило ему за работу болѣе левка т. е. 60 копѣекъ; по чему можнобы ему продолжать тамъ свою жизнь безъ бѣдности и содержать двухъ и трехъ женъ по примѣру Гусмана; но всемогущїй Творецъ устроилъ жизнь его инако.

Онъ сохранялъ два печатные пашпорта данные ему въ Америкѣ и въ Венецїи. Въ перьвой разъ оные пашпорты безъ него найдены были женою *Аишедудою* и осмотрѣны тестемъ *Ма-*

гометомъ, и когда онъ пришелъ домой, то спрашивали его Аищедуда и Магометъ отецъ ея: что за бумаги связанные въ двухъ дощечкахъ? пожалуй скажи Islamъ Паша? Онъ незналъ какъ изъ сего случая вывернуться, и будто хотѣлъ утаить бывши самъ въ страхѣ; почтенiе къ старику Магомету имъ отдаваемое избавляло его Баранщикова отъ подозренiя; онъ молчалъ а они на сiе сказали ему: *что ты отъ насъ таишъ, это ваши рускiя деньги.* Ободряясь Аищедуды и Магомета мыслiю говорилъ имъ усмѣхнувшись: здѣсь не у кого размѣнять, Россiйскiе купцы на гостиномъ дворѣ неберутъ. Магометъ старикъ совѣтовалъ ему, чтобъ онъ постарался размѣнять у Россiйскихъ курьеровъ кои часто въ Стамбулъ прiѣзжаютъ и скоро назадъ отправляются.

Пришло то время, что должно было предстать ему Баранщикову на смотръ въ янычарскомъ самомъ лучшемъ уборѣ къ великому Визирю и получить жалованье; тесть прибралъ его тогда весьма чисто и далъ ему

богатой свой шелковой кушакЪ или поясЪ золотомЪ перетканой, кинжалЪ оправленной жемчугомЪ, красными и зелеными яхонтами и два пистолета сЪ золотою насѣчкою; когда же онЪ взялЪ сЪ собою и тѣ два пашпорта Гишпанской и Венеціанской, жена его Аишедуда увидѣла и спросила: на что онЪ беретЪ тѣ бумаги? онЪ ей же сказалЪ: я видѣлся вечера сЪ РоссійскимЪ курьеромЪ, который хотѣлЪ мнѣ за нихЪ дать 200 левковЪ, которые ежели я получу, подарю изЪ нихЪ тебѣ половину; она тотЪ часЪ пала на колѣни и молилась сЪ великимЪ усердіемЪ, что бы БогЪ далЪ получить сіи деньги. Разставшись сЪ женою своею такимЪ образомЪ представленЪ былЪ кЪ великому Визирю, предЪ которымЪ и другими начальниками долженЪ читать былЪ разныя Магометанскаго закона молитвы и за твердое знаніе оныхЪ получилЪ похвалу и выдачу жалованья 60 левковЪ (36 рублей.)

ПолучивЪ оныя деньги зашелЪ кЪ знакомому Греку именемЪ Спири-

дону живишему на ГалатѢ, которому давно уже открылЪ свое намѢренїе, чтобЪ оставить Царь градЪ гнушаясь болѢе всего вѢрою Магометанскою и уйти вЪ отечество свое Россїю, презирая всѢ мученїя даже и самую смерть естьли случится, что пойманЪ будетЪ; ибо вмѢсто страха и боязни, принялЪ онЪ надежду и упованїе на Бога и повергЪ сЪ себя чалму, и на бритую свою голову надѢлЪ Греческой колпакЪ, и скинувЪ сЪ себя красные Турецкїе сапоги обулся вЪ Греческїе черные; кушакЪ, кинжалЪ и два пистолета подарилЪ Греку Спиридону, а самЪ подпоясался худымЪ его кушакомЪ и пробывЪ у него ночь отправился рано 29 Іюля 1785 года вЪ день святыхЪ первоверховныхЪ АпостолЪ Петра и Павла вЪ путь, имѢя при себѢ вмѢсто вожатаго одну только записку о дорогѢ выпрошенную у Россїйскаго курьера, и два пашпорта Гишпанской и Венецїанской, да денегЪ 60 левковЪ, и представляя настоящаго вЪ своей одеждѢ грека. ИзЪ Галаты пришелЪ онЪ

къ проливу черняго моря и чрезъ оной переѣхалъ на маленькомъ Турецкомъ суднѣ заплатя 2 пары, или 3 коп. Россійскихъ, а проливъ тотъ широтою въ семъ мѣстѣ неболѣе одной Россійской версты.

Отъ Константинополя къ перьвому по вышепомянутой дорогѣ городу *Кючукъ чекмеже* разстояніемъ по Турецкому названію: на *икисаадъ*, то есть: на *два часа* верховой ѣзды или на 16 россійскихъ верстъ съ небольшимъ. Тутъ по причинѣ гористыхъ и пещаныхъ мѣстъ и несносныхъ жаровъ, никакая лошадь скоро бѣжать неможетъ. *Кючукъ Чекмеже* значитъ *уской проходъ*, ибо сей небольшой городокъ съ правой стороны окруженъ горами покрытыми лѣсомъ, а съ лѣвой стороны заливомъ изъ бѣлаго или мраморнаго моря. Тамъ имѣлъ онъ ночлегъ у грека, и на другой день пришелъ во второй городъ называемой *Буюкъ чекмеже*, разстояніемъ оттуда на *ючь саадъ*, то есть: на три часа ѣзды или 2. россійскихъ верстъ.

Идучи подлѣ бѣлаго моря въ четвертой день пришелъ въ третій городъ *Зардымъ*, а въ послѣдующее время прошелъ города 4) *Баулъ* 5) *Болшую Шумлу* 6) на рѣкѣ Дунаѣ *Журжу* и другіе мѣстечки; до рѣки Дуная шелъ онъ пять недѣль и пришелъ Августа 4 числа 1785 года, претерпѣвая въ незнаемой дорогѣ великія трудности, по разнымъ случаямъ, и ни въ которомъ городѣ или мѣстечкѣ остановленъ небылъ.

Рѣка Дунай теченіе свое имѣетъ въ черное море, и на правомъ берегу сей рѣки живутъ Россіяне бывшіе запорожскіе козаки своими домами, и ихъ число великое. Они ловятъ въ рѣкѣ Дунаѣ рыбу такъ же и на морѣ. Съ нихъ больше ничего въ казну Султанскую не берется какъ десятина; то есть десятая съ улову рыба. Они возятъ въ Константинополь икру и рыбу соленую для Европейцовъ, а Турки до соленой рыбы или икры не охотники и почти изъ нихъ ни кто ее не покупаетъ. Баранщиковъ изъ сихъ

запорожскихъ козаковъ видалъ продающихъ рыбу и икру многихъ въ Царѣградѣ; а по сему знакомству какъ пришелъ къ нимъ на рѣку Дунай, то они очень ласково его приняли и онъ у нихъ проживалъ въ разныхъ домахъ у инаго дни два, три и четыре. Они исповѣдываютъ Христіанскую православную вѣру и по благопріятству ихъ, что его Баранщикова кормили и ему благодѣтельствовали, сіи запорожскіе козаки уговаривали его, чтобъ онъ остался съ ними жить. Напротивъ того Баранщиковъ имъ говорилъ: любезные мои! вы оставили свое отечество самопроизвольно и поселились въ чужой сторонѣ, да и подъ владѣніемъ Турецкаго Султана и вы должны бояться его всякой часъ; возвратитесь лучше въ Россію, но на то многіе ему Баранщикову отвѣтствовали: что мы тамъ забыли? поди ты а мы не хотимъ, да и ты когда пойдешъ, добра ненайдешъ. Къ увѣренію ихъ разсказывалъ имъ онъ, что въ Царѣградѣ живучи слышалъ отъ Россійскаго курь-

ера, что всемилостивѣйшая Монархиня всѣхъ прощаетъ, лишь только возвратись въ свое отечество и что въ Херсонѣ даютъ на поселенiе домъ, лошадь, корову и овцу и нѣсколько денегъ; однако же ни одного уговорить немогъ.

Дунай переѣхалъ онъ съ Молдаванами и прошелъ Молдаванскiе города: Букарешты, Фокшаны, Яссы и на Днѣстрѣ Сороку: тутъ прожилъ онъ нѣсколько времени у Россiянъ, коихъ Молдаванцы называютъ Филиповцами; они исповѣдываютъ Грекороссiйскую вѣру, но ни когда неходятъ въ церковь къ единовѣрнымъ Молдаванамъ и Грекамъ, а имѣютъ свои молебницы или божницы и говорятъ: что ихъ предки отцы и дѣды поселились здѣсь и что они живутъ благополучно и имъ позволено вѣру исповѣдывать какъ хотятъ да и въ прошедшую съ Турками войну было имъ незозбранно слѣдовать всѣмъ обрядамъ своея вѣры.

Изъ города Сороки чрезъ Днѣстръ рѣку переправясь на суднѣ прошелъ

Польскаго владѣнія города Чекиновку, Китай городъ, Лодыжину, Бѣлую церковь и прочіе мѣстечки. Недостатокъ денегъ въ Польскихъ городахъ и мѣстечкахъ заставилъ его униженно просить благотворителей человѣчеству о подаяніи ему на пропитаніе и тамъ многіе неотвергали его прошенія и по возможности своей снабдѣвали его иные пищею а другіе деньгами, и такимъ пособіемъ въ пропитаніи себя изъ Польскаго владѣнія пришелъ онъ къ Россійской границѣ на Васильковской фарпостъ и объявилъ тамъ свои два пашпорта: Гишпанской изъ Порторико и Венеціанской, и съ него взятъ въ Васильковскомъ фарпостѣ допросъ обо всемъ случившемся съ нимъ въ трехъ частяхъ свѣта, въ Америкѣ, Азіи и Европѣ; послѣ чего пашпорты унего тамъ отобраны и посланы въ Кіевское Намѣстническое правленіе обще съ допросомъ, а его яко перьваго выходца изъ Туреціи препроводили за стражею съ однимъ гусаромъ въ Кіевъ, гдѣ получилъ онъ изъ Кіевскаго Намѣстни-

ческаго правленія указъ, чтобъ явиться въ нижнемъ Новѣ Городѣ, при чемъ господинъ Генералъ Порутчикъ и кавалеръ Ширковъ, Правитель Кіевскаго намѣстничества пожаловалъ ему пять рублей на дорогу, а о пашпортахъ сказали: что оба Венеціянской и Гишпанской посланы чрезъ почту въ Нижегородское намѣстническое правленіе. Съ тѣми изъ милосердія и человѣколюбія Его Превосходительства господина Генерала и кавалера Ширкова пожалованными пятью рублями и съ даннымъ изъ Кіевскаго намѣстничества пашпортомъ прошелъ онъ чрезъ Россійскіе города: Нѣжинъ, Глуховъ, Сѣвскъ, Орелъ, Бѣлевъ, Калугу, Москву, Володимеръ, Муромъ а изъ онаго прибылъ и въ Нижней Новгородъ 23 Февраля 1786 года

На другой день или 24 Февраля 1786 года представленъ онъ былъ Его Высокопревосходительству господину Генералу Губернатору и Кавалеру Ивану Михайловичу Ребендеру. — Сей благотворительный и милосердый Господинъ

пожаловалъ ему 15 рублей, разпрося подробно о его странствованіи и нещастныхъ приключеніяхъ; напослѣдокъ Его Высокопревосходительство сказать изволилъ: „я тебѣ во всемъ помощ„никъ буду, но незнаю, какъ гражда„нское общество въ разсужденіи за „шесть лѣтъ податей службы „и тягости съ тобою поступитъ; „въ такомъ случаѣ повелѣваютъ Им„ператорскаго Величества законы, что „съ тобою учинить; ты прочи„тай новаго городоваго положенія ста„тью 7, и какъ я Городовому Магис„трату немогу приказать заплатить „за тебя, то онъ конечно поступитъ „съ тобою по строгости законовъ, „ради чего совѣтую тебѣ просить „гражданъ, чтобъ они тебя избавили „за претерпѣнныя несчастія отъ пла„тежа податей и сняли оныя на себя „изъ человѣколюбія.

Великодушіе и милосердіе господина Генерала и Кавалера Ивана Михайловича Ребиндера сильно ободряло его Баранщикова и онъ имѣя свой домъ

пришелЪ кЪ своей женѢ чрезЪ шесть лѢтЪ, нашелЪ ее вЪ самой сущей бѢдности сЪ двумя дѢтьми а третьяго лишился онЪ по пятому году. ВсякЪ имѢющїй чувствительное сердце желалЪ бы зрѢть вЪ благополучїи сихЪ простодушныхЪ и несчастныхЪ, мужа и жену и двухЪ дѢтей ихЪ, одну дѢвочку по 12 а другую по 9 году. Жена нескоро его узнала; ибо онЪ одѢтЪ былЪ вЪ странное платье и сЪ невыращеными на бритой головѢ волосами, но когда онЪ сЪ нею объяснился, то какая была ея и его при семЪ случаи радость, оную чувствовать и изъяснить тотЪ только можетЪ, кто самЪ бывалЪ вЪ подобныхЪ обстоятельствахЪ.

До 1780 года записанЪ онЪ былЪ во вторую Гилдїю купцомЪ и платилЪ сЪ капитала по 10 рублей да на гражданскїе расходы столькоже, всего по 20 рублей на годЪ; и когда явился вЪ НижнемЪ НовѢ городѢ, градское общество или городовой МагистратЪ требовалЪ сЪ него за всѢ шесть лѢтЪ 120 рублей и за оные держанЪ онЪ вЪ

городовомъ магистратѣ подъ стражею болѣе полутора мѣсяца, и лишь только освобожденъ магистратомъ, то кредиторы на его просили въ Нижегородской управѣ благочинія; ибо онъ долженъ былъ по щетамъ и векселямъ болѣе 230 рублей разнымъ людямъ; изъ Управы благочинія, которая содержала его семь дней, обратно посланъ онъ въ городовый магистратъ.

Въ удовлетвореніе должникамъ его или кредиторамъ принужденъ нашелся продать домъ свой за 45 рублей и сдѣлавъ такимъ образомъ нѣкоторую уплату освобожденъ на нѣсколько времени городовымъ магистратомъ изъ подъ стражи, а за достальныя 185 рублей долговыхъ и за шесть лѣтъ податей 120 рублей всего 305 рублей, городовый магистратъ учинилъ свое опредѣленіе: отослать его Баранщикова въ казенную работу на соляныя варницы въ городъ Балахну по 24 рубли на годъ, разстояніемъ отъ Нижняго Нова города 25 верстъ. Невидавъ же онъ Баранщиковъ жены и дѣтей съ лиш-

комъ шесть лѣтъ, пришедъ въ свое любезное отечество Россію презирая всѣ опасности даже и самую смерть, соблюдая вѣру Христіанскую, памятуя жену и дѣтей, воззываетъ онъ Нижняго Нова города къ своимъ гражданамъ или городовому магистрату такими словами: чтобъ они внялли купно гласу закона ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и гласу человѣколюбія, и приняли во уваженіе истининыя и неоспоримыя бѣдности его доказательства и свидѣтельства 1) паспорты Гишпанской и Венеціанской, 2) заклеймѣнія на островѣ Порторико на лѣвой рукѣ и Турецкія на правой, потомъ въ Іерусалимѣ Распятіемъ Христовымъ, 3) что шесть лѣтъ препроводилъ безъ жены и дѣтей въ крайней бѣдности, 4) что говоритъ: по Гишпански, по Италіански и по Турецки и что столь простому человѣку, какъ бы онъ худо ни говорилъ, научиться въ скорости неможно. 5) что сего 1787 года наступилъ святый великіи постъ, а онъ Баранщиковъ сидитъ

въ магистратѣ подъ стражею, и что уже опредѣленїе подписано было, чтобъ отдать его на соляныя варницы въ городъ Балахну, 6) и что проситъ городоваго магистра, чтобъ ему позволено хотя выисповѣдаться и причаститься Христовыхъ таинъ; но ни единъ изъ священниковъ церквей Нижегородскихъ, хотя онъ и явно приносилъ свое покаянїе, исповѣди его немогъ принять, по тому что онъ былъ въ Магометанскомъ законѣ. Тогда для разрѣшенїя послѣдняго сомнительнаго случая отосланъ онъ къ Нижегородскому Преосвященѣйшему, который изъявивъ ему знаки своея милости приказалъ итти въ Санктпетербургъ и явиться у Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Новгородскаго и Санктпетербургскаго Гавріила а магистратъ далъ ему пашпортъ, съ коимъ пашпортомъ туда пришелъ и по десятидневномъ покаянїи въ Александро Невскомъ монастырѣ приобщенъ святыхъ Христовыхъ таинъ, въ доказательство чего данъ ему Баранщикову

Маія 7 дня сего 1787 года изъ духовной Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Гавріила консисторіи билетъ.

Повѣствуютъ случай о Нижегородскомъ купцѣ Козьмѣ Мининѣ по прозванію Сухоруковѣ (*) „что онъ вышедъ на „площадь, собравшемуся тамо народу „говорилъ: видимъ конечное государства Рускаго раззореніе а помощи и „очищенія ему ни откуду нечаемъ, для „того я вамъ совѣтую, чтобы намъ „въ то вступиться, казну и съ самаго „послѣдняго имѣнія сбирать, женъ „и дѣтей закладывать и всѣми мѣрами „казну для подъему и платы воинскимъ людямъ скопивъ, искать будемъ „такого полководца, который бы „войско собравъ и устроивъ его по „обычаю съ нимъ шелъ прямо подъ „Москву на очищеніе ея.

„Народъ принялъ сіе предложеніе „весьма охотно и снеся свои имѣнія

(*) Ядро Россійской исторіи Книг. 6, глав. 4, стран. 300. и историческое Описаніе Россійской Коммерціи. томъ 1 книг. 1. стран. 249.

,,избрали полководцемъ Князя Дмитрія
,,Михайловича Пожарскаго, который съ
,,великою радостїю принялъ на себя
,,оное, и совокупясь еще со многими Мо-
,,скву отъ Поляковъ очистилъ. А сей
,,благотворительный купецъ при войскѣ
,,имѣлъ казну подъ своимъ храненїемъ
,,и оказалъ сверхъ сихъ благодѣянїй оте-
,,честву своему великїе заслуги, имѣя час-
,,тыя сраженїя съ Поляками подъ Москвою.

Нижегородское же градское общество или городовой магистратъ сему благотворительнаго купца Козмы Сухорукова непослѣдовало примѣру и Высочайшему *Ея Императорскаго Величества* Всемилостивѣйшему 1784 года Сентября 5 дня указу о банкрутахъ или проторговавшихся купцахъ; и онъ остается по претерпѣнїи злоключенїй и нещастїй въ Америкѣ, Азїи и Европѣ, въ подобныхъ обстоятельствахъ и въ своемъ отечествѣ и угнѣтается крайнею бѣдностїю.

КОНЕЦЪ.

